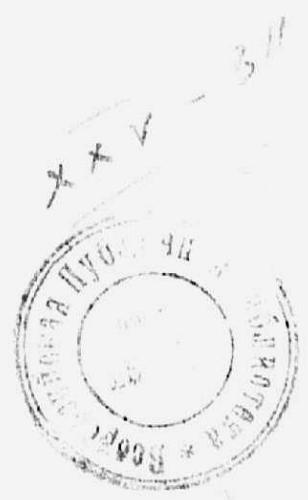

IV $\frac{19}{34}$

802-16
48

БЫЛОЕ

1925—№ 1

(№ 29)

позиции, и во 2) в отношении настойчивости, с какой он продолжал до конца разыгрывать сочиненную им пьесу — „голь на выдумки хитра“. Но за все это едва ли можно его винить. В первом случае причиной была его природная ограниченность, не позволявшая ему шире взглянуть на вопрос, встать выше своих советников, прислушаться к насущным требованиям жизни, удовлетворить их и таким образом предотвратить неизбежную гибель не только самодержавия, но и династии под грозными справедливо-карательными ударами революции. Во втором случае причиной была страсть, может быть, наследственная, против которой был не в силах устоять массивный царь, внешнее богатство которого далеко не соответствовало его внутреннему содержанию, тусклому и сумрачному, лишь искусственно — вином, просянявшемуся, и на его долю не выпало долголетия, на какое ему давала право рассчитывать его физическая сила, позволявшая ему в молодости сгибать подковы и плечом высаживать двери. Александр III умер („смертью святого“, пишет сын его, Николай II) всего на 49-м году жизни и на 14-м году его царствования (20 октября 1894 года).

Н. Н. Фирсов.

Восстание туркестанских сапер 1912 г. ¹⁾

В ташкентском парке Федерации (б. Александровский парк) большой четырехугольный холм, покрытый цветниками, памятниками и столбами для электрического освещения, занимают могилы жертв революции.

Ближайший к народному дому угол этого холма увенчан обелиском, на котором изображены эмблемы технических работ: топор, лопата, молния и проч. Это — могила 14 сапер, казненных в Ташкенте за восстание 1 июля 1912 года. Останки их перевезены сюда 29 окт. 1918 г. из местности вблизи Чимкентского тракта, где они были похоронены в общей могиле.

Темной ночью, под покровом строгой тайны, повешены были эти пензенские и виленские мужики, судьбою наряженные в солдатские гимнастерки и заброшенные в далекий знойный край. Тайком повешены и засыпаны в общей яме.

Тяжело было положение туркестанского солдата в летнее время. Постоянный военный лагерь находится под с. Троицким, в 30 в. к сев.-вост. от Ташкента, в холмистой местности Чимганских предгорий. Целый день проходил в тяжелых изнурительных работах (рытье окопов, военные упражнения) под палящим туркестанским солнцем. К этому надо добавить, так сказать, психологическую сторону. Оторванный от родного края, от семьи, от своего небольшого, но облитого трудовым потом земельного надела, солдат в лагерное время чувствовал себя особенно тяжело: картины природы, земледельческие работы местного населения напоминали ему родную деревню, семью, оставшуюся дома без кормильца. А офицеры, устраивавшиеся по-дачному, с пикниками и кутежами в „военном собрании“, особенно наглядно подчеркивали существование двух сторон, двух лагерей, всегда враждебно настроенных. Здесь, в условиях лагерного быта, особенно четко жизнью проявлялись два типа: барина-офицера и безгласного „нижнего чина“, который имел право только в одной форме высказывать свое мнение: „Слушаю, ваше благородие!“

Такова была лагерная жизнь и летом 1912 года. Но люди — не безгласные скоты. Еще живы были среди туркестанских войск воспоминания

¹⁾ По материалам Историко-Революц. Секции Ц. Управл. Архива. Делом Туркестанской Республики. Частично материалы были использованы мною в ташкентской газете „Промышленность“ за 1918 г., № 54, и в журнале „Рабочая Кооперация“ 1919 г., № 14.

и свидетели восстания в ташкентской крепости в ноябре 1905 г., об ашбадском саперном бунте в июле 1906 г. Солдаты собирались в бараках Троицкого лагеря, в рощице, на берегах арыков (оросительных каналов), говорили о своем житье-бытье, о тяжести службы и работ, рассказывали о действиях особо ненавистных начальников, изнурявших солдат работами и дававших им презрительные клички. Наиболее часто упоминались имена штабс-капитана Похвистнева, поручика Красовского и еще 3—4 офицеров. Нарастало общее глухое недовольство.

Когда перечитываешь документы следственного производства и судебного дела о восстании сапер, невольно удивляешься, как можно было сохранить в тайне от начальства, от охранной полиции все эти разговоры, угрозы, всё это ежедневно нарастающее недовольство. Конечно, в семье не без урода, но удивительно, что в огромной семье Троицкого лагеря (2 саперных батальона, 2 стрелковых полка, артиллеристы, казаки) нашелся только один урод, оказался только один доносчик. На сходках же бывали сотни солдат.

Этим предателем был сапер 3-й роты 1-го батальона Петр Андреевич Шереметьевский, 22 лет, сын чиновника. Он прошел 4 класса классической гимназии в г. Вильно, после чего поступил на либавские курсы ближнего плавания. С 3-го курса его взяли в солдаты.

Чтобы больше не возвращаться в нашем рассказе к этому господину, приведем сведения о его личности и дальнейшей судьбе по имеющимся в делах документам.

После окончания его „работы“ по саперному делу, т.-е. после того, как были повешены 14 его товарищей—солдат, Шереметьевский, оставаясь сапером, поступил на постоянную службу в туркестанское районное охранное отделение, где и сотрудничал, подписывал свои дописания псевдонимом „Зорька“. Горький пьяница, постоянно отбывавший то или иное наказание за неисправности по службе, Шереметьевский вскоре был осужден на 3 года в дисциплинарный батальон за оскорбление в пьяном виде караульного начальника. Однако, благодаря хлопотам жандармских и других генералов, ценявших рвение шпиона, Шереметьевский уже в начале 1914 года получил царское помилование. Используя его для укрепления существовавшего строя и раскрытия крамолы, начальство не закрывало глаз на личность предателя. Вот отрывок из сношения минского жандармского полицейского управления. „По отзывам ближайшего начальства, Шереметьевский поведении весьма дурного. Он отличается крайней лживостью, оказывает непослушание и неповиновение начальникам из нижних чинов, груб и дерзок в обращении с последними и с товарищами по заключению, в своих личных делах крайне скрытен. В общем — личность весьма порочная“. Очень характерен этот отзыв жандармских властей, вся деятельность которых и веда как-раз к воспитанию и развитию подобных лживых, грубых и порочных типов. Вырастив такое детище, жандармы сами удивляются, какая мерзость появилась на свет божий.

Еще перед пасхой 1912 года Шереметьевский доносил батальонному командиру Еранцеву, что среди сапер поговаривают о бунте. В мае месяце,

попав за пьянство на гауптвахту, Шереметьевский опять доносит, что сапер Слободской и др. собирают сходки, на которые приходят саперы, стрелки и артиллеристы, нет только казаков. 5 июня—новый донос о митинге, на котором произносились речи о строгостях военной дисциплины, о необходимости добиваться улучшения пищи, изменении обращения офицеров с солдатами, об уменьшении срока службы. О предательской роли Шереметьевского солдаты тогда еще не знали,— он бывал на сходках и в своих доносах называет имена главных ораторов на митингах, это — саперы Слободской, Волков, Барьев, Попов, Синельников.

Начальство приняло некоторые меры. Вечерами по окрестностям лагеря посылались конные разъезды, которые должны были задерживать участников сходок. Но задержан никто не был. Солдаты уже догадались, что кто-то доносит, некоторые стали подозревать Шереметьевского, который частенько забегал к батальонному командиру. Особенно осторожны стали саперы, когда один подпрапорщик „пригрозил Синельникову веревочкой“ (выражение из показаний Шереметьевского).

К концу июня настроение стало особенно тревожно, восстания ждали со дня на день. 29 июня Шереметьевский прибежал в цирк, уже не скрываясь, на глазах солдат подошел к батальонному командиру и доложил, что восстание назначено на эту ночь, что заговорщики-саперы установили связь с военно-революционной организацией через разносчика — торговца булками и фруктами Боровика. Крестьянин Киевской губ. Звенигородского уезда Александр Никифорович Боровик отслужил свой срок сапером 2 батальона, после чего занялся торговлей в районе лагерного расположения. Роль его в подготовке восстания осталась вовсе не освещенной предварительным следствием. После восстания Боровик бесследно скрылся.

Наконец, уже 1 июля, Шереметьевский последний раз перед восстанием явился к командиру и, сообщая, что восстание произойдет ночью, просил арестовать называемых им главарей движения и его самого, для отвода глаз, или командировать его в г. Ташкент, где он надеется раскрыть военно-революционную организацию. Начальство, видимо, не очень доверяло доносчику и на все его предложения лениво отвечало: „Как-нибудь после!“

В этот же день, 1 (по нов. ст. 14) июля, вспыхнуло восстание. Согласно обвинительному акту, составленному помощником военного прокурора Афанасьевым, и многочисленным свидетельским показаниям, внешняя картина восстания рисуется так. Сигналом послужили 2 револьверных выстрела, раздавшиеся в лагере после ужина и вечерней переключки. Солдаты начали выбегать на переднюю линейку (так называется лицевая сторона лагерного расположения) с криками „ура“, слышны были одиночные выстрелы.

Волнение охватило сапер, главным образом, 1-й, 3-й и отчасти 5-й рот 2-го туркестанского саперного батальона, а также 2-й, 3-й и отчасти 1-й рот 1-го батальона. Саперы остальных рот (батальоны были пятиротного состава) разбежались и попрятались, а 2-я рота 2-го батальона, почти в полном составе, образовала ядро правительственных войск, под командой своего коман-

дира, капитана Жильцова, который и явился главным организатором подавления восстания. Остальные офицеры частью отсутствовали из лагеря, частью попрятались, и лишь немногие бросились в бараки своих рот. Одни офицеры приказывали солдатам брать винтовки и строиться, другие же, наоборот, с помощью фельдфебелей и заслуженных унтеров, старались не дать оружие солдатам, действуя уговорами, силой и руганью. Вскоре во 2-й роте 1-го батальона убит солдатами штабс-капитан Похвистнев, в 3-й роте тяжело ранен штыками поручик Шадский, бегавший по бараку с обнаженной пашкой. Во 2-м батальоне также было убито 2 офицера: в 1-й роте поручик Красовский, стрелявший в солдат из револьвера, сбит с ног ударом приклада и застрелен из винтовки, в 3-й роте тяжело ранен Кошениц, умерший впоследствии от ран. В наиболее „черной“ 2-й роте тоже было несколько случаев. В самом начале дела убит солдат Василий Каланта, несколько человек ранено. Энергичного капитана Жильцова ранил штыком сапер Савелий Чистобородов, которого немедленно застрелил его же товарищ, сапер 2-й роты Соколов.

Восставшие явно не имели ни определенного плана действий, ни налаженной организации, ни умелых руководителей. С винтовками в руках, с небольшим количеством патронов (по 1 — 2 обойми), саперы сбились в кучу на горке около сигнальной вежи и открыли беспорядочную стрельбу по роте Жильцова.

Организованная и усиливавшаяся с каждым часом „армия“ Жильцова быстро разогнала толпу восставших. Сначала Жильцов заставил своих солдат петь почему-то „Песнь о вещем Олеге“, а после перестрелки и разных военных передвижений (цепи, карре, перестройка фронта), когда восставшие саперы были разбиты, приказано было затянуть „боже, царь храни“.

Под звуки этой песни казньки ринулись в ночной темноте ловить отдельных мятежников. Разбежавшиеся саперы прятались, кто где мог: в арках, в ямах, под мостами, на крышах, под нарами в казармах.

Некоторые саперы убежали очень далеко, разъезды ловили людей еще несколько дней, а 4 человека задержаны даже в соседнем чимкентском уезде: Рачинский и Трембас 8-го июля крестьянами села Дорофеевки, Савкин 10-го июля и Гессен 12-го июля в горах киргизами-джигитами участкового пристава.

3 сапера бесследно скрылись: 1-го батальона Иван Орехов и Михаил Побезимов, 2-го батальона Василий Андреевич Тикунов, крестьянин деревни Знаменской, Гагаринской волости, Моршанского уезда, Тамбовской губернии. Судя по имеющимся в деле свидетельским показаниям и по судьбе, постигшей сапер-участников восстания, Тикунов, несомненно, был бы казнен, как активный участник восстания, ходивший по казармам с оружием в руках и разбиравший ломом патронные ящики.

На другой же день, 2-го июля, началось следствие. К нему были привлечены все саперы, задержанные вне лагеря, и те из арестованных внутри лагерного расположения, против которых имелись какие-либо показания или улики. Главной уликой служила винтовка, при чем особенное внимание было обращено на то, есть ли в дуле ружья свежий нагар от выстрела.

Правда, многие саперы объяснили, что винтовки они забрали по распоряжению офицеров, приказавших выходить с оружием „на линейку“, или для самозащиты, так как в темноте шла беспорядочная стрельба. Нагар в дуле мог остаться и от маневров 26 — 28-го июня, после которых винтовок не чистили. Объяснениям этим не придавалось значения.

Задержание в поле с винтовкой, кое-какие свидетельские показания начальствующих лиц и, в особенности, 2-х солдат, упоминавшегося выше Шереметьевского и сапера 1-й роты 2-го батальона Степана Дорофеева, и обвинительный акт был наскоро сколочен. Именно — наскоро, так как при прочтении его поражает, как немного надо было улик, косвенных, шатких, сомнительных, чтобы отдельного сапера привлечь к делу, рассмотрение которого командующий войсками Туркестанского военного округа генерал Самсонов предложил произвести „по законам и срокам военного времени“.

Показания обвиняемых и свидетелей устанавливают такую цель восстания: „надо сделать бунт, чтобы сократили сроки службы, улучшили пищу и изменили обращение офицеров с солдатами“. В обвинительном акте эта последняя цель превратилась в „изменение порядка титулования офицеров“, хотя Шереметьевский, в своем письменном показании, говорит определенно: „о титуловании я ничего не слышал“.

Все обвиняемые, в том числе и признаваемые зачинщиками и руководителями, отвергали свое активное участие в восстании, или указывали, что действовали в толпе, или просто утверждали, что при начале восстания бежали, спрятались и ночью были арестованы.

Несколько особое положение занял обвиняемый сапер Гессен. Он показал, что „еще до поступления на военную службу он не раз оказывал услуги правительству: например, в 1908 и 1909 г.г. сотрудничал у солтычегодского исправника, а в 1910 году — у жандармского подполковника Редина в г. Холме; прибыв же в батальон, он хотел использовать замеченное им движение и с тем, чтобы выслнить всех главарей, хотел внести среди нижних чинов правильную организацию. В настоящее же время он, обвиняемый, не выдает имена главарей, так как предварительным следствием они обнаружены почти все“.

Следователи и охранка заинтересовались таким показанием, из Ташкента были отправлены запросы, и на один из них получен такой ответ начальника люблинского губернского жандармского управления (от 5-го августа № 880): „Сообщаю что Эдмунд Юльинов Хессен, он же Гессен, в 1907 году был привлечен при вверенном мне управлении к переписке в порядке военного положения по делу избличения его в принадлежности к революционным организациям и по постановлению министра внутренних дел выслан в Вологодскую губернию под гласный надзор полиции, сроком на два года, 9 июля 1907 года. По окончании срока высылки названный Хессен в 1909 году возвратился в Холмский уезд и в начале 1910 года предложил свои услуги к раскрытию революционеров подполковнику Редину в г. Холме, но ни одного сведений по означенному делу не дал, почему в сотрудничестве ему было отказано“.

По показаниям многих свидетелей видно, что Гессен в дни, предшествовавшие восстанию, ежедневно видался и о чем-то тайно беседовал с Боровиком и, вообще, играл в событиях выдающуюся и руководящую роль.

Во всяком случае, из документов имеющихся в деле, можно видеть, что Гессен был слабый человек, старавшийся обещаниями и отговорками спасти себя от нависающей над его шеей веревки. Но фактически, он никого не предал, не назвал ни одного имени. А слабость духа, все свои словесные обещания Гессен искупил смертью на виселице.

28 июля был отдан приказ о закончании следствия и о предании сапер военно-окружному суду. 29 июля всем обвиняемым был вручен обвинительный акт.

31 июля, в помещении фехтовальной школы Ташкентской крепости, открылись заседания военно-окружного суда, в составе председательствующего генерала Уссаковского и 4 полковников. Защищали обвиняемых солдат 6 казенных защитников — офицеров. Суду было предано всего 228 сапер.

Дело рассматривалось при закрытых дверях, но, по распоряжению ген. Самсонова, к слушанию были допущены: редактор официальных „Туркестанских Ведомостей“ Левин, начальник города Завитневич, начальник Ташкентского уезда Караульчиков, командиры войсковых частей и те лица, которых нашел нужным допустить председатель суда.

Разбор дела продолжался 10 дней. 9 августа вынесен приговор, по которому 15 человек приговорены к смертной казни, 18 чел. — к бессрочной каторге, 63 чел. к каторге на 15 лет, 15 — на 8 лет, 16 — на 4 года, 63 чел. в арестантские отделения на 6 лет, 16 — на 4 года, 1 чел. — в дисциплинарный батальон на 3 года, 3 чел. — на 2 года, 11 чел. — на 1 год и 7 сапер оправданы.

К смертной казни приговорены: унтер-офицер Владимир Федорович Шубин, из мещан г. Можайска, „как старший по званию начальник среди всех осужденных“, и 14 сапер, признанных зачинщиками и руководителями. В приговоре суда значится: „что касается до вида смертной казни, то суд находит, что по проявленной деятельности подлежащие ей 15 человек не заслуживают более почетного расстреливания, и назначил повешенье“.

К бессрочной каторге присуждены следующие саперы: Веретенников А. Ф., Горбань В. А., Гришин А. П., Ежов Ф. И., Жигаловский В. А., Махов Н. Е., Надеждин Т. Я., Плешаков В. Р., Салмин А. Н., Сямлят Р. М., Файнштейн Л. А., Файтлович Х. А., Федоров А. И., Филатов А. В., Филимонов П. С., Чистиков И. М., Шагохин А. Г., Шеронин И. Д.

12 августа приговор суда утвержден ген. Самсоновым, который заменил Шубину смертную казнь отдачей в арестантские отделения на 6 лет и саперу Ежову, вместо бессрочной каторги, назначил 4 года арестантских отделений. В остальном приговор оставлен без изменения.

В 5 час. вечера 12 августа приговор вошел в законную силу, и в этот же день ген. Уссаковский передал его для исполнения военному прокурору, который рапортом от 18 августа донес суду, что „приговор о 14-ти лицах приведен в исполнение“.

Повешены саперы:

1) Баряев Петр Александрович, крестьянин-землепашец хutora Саратовского, Александровской волости, Оренбургской губернии и уезда, родился 22 авг. 1889 года, неграмотный, ранен во время восстания, в суд доставлен на санитарной повозке, к виселице принесен на носилках.

2) Бунин Александр Иванович, мещанин г. Орска, родился 23 марта 1887 г.; убитый Похвистнев рассказывал офицерам незадолго до восстания что он отобрал у Бунина прокламацию с заголовком „долгой чинопочитание“.

3) Волков Павел Емельянович, крестьянин с. Панцыревки, Городищенского уезда, Пензенской губ., родился 13 янв. 1889 г., ранил офицера Шадекого.

4) Гессен, он же Хессен, Эдмунд Юльевич, крестьянин дер. Татары, гмины Вульво, Люблинской губ. и уезда, родился в январе 1890 г., по профессии — домашний учитель.

5) Жулябин Иван Яковлевич, крестьянин Карелингинской вол. Нижне-Ломовского уезда, Пензенской губ., родился в марте 1888 г., холостой, по ремеслу — плотник.

6) Ботлер Берк Вольфович, мещанин г. Вильно, родился 5 янв. 1890 г.

7) Нефедов Филипп Матвеевич, крестьянин с. Никольской Петровки, Бугурлинской вол., Инсарского уезда, Пензенской губ., родился 1 июля 1888 г., неграмотный, женатый, по ремеслу — плотник, убил офицера Красовского.

8) Онучкин, он же Анучкин, Иван Александрович, крестьянин с. Бормы, Елковской вол., Самарской губ. и уезда, родился 8 апр. 1889 г.

9) Попов Иван Иванович, крестьянин дер. Искраши, Кобыльнической вол., Свенянского уезда, Виленской губ., родился 30 ноября 1889 г.

10) Рачинский Станислав Михайлович, мещанин г. Калиша, родился 4 апр. 1890 г., холостой, по ремеслу слесарь. По сообщению Калишского губ. жанд. упр. от 9 авг. № 4475, Рачинский принадлежал к П. П. С. и играл в ней видную роль.

11) Савкин Василий Ефимович, крестьянин дер. Селитьбы, Кевдомевятовской вол., Нижне-Ломовского уезда, Пензенской губ., родился 29 янв. 1889 г., неграмотный, по ремеслу плотник, женатый, имел сына 1 года.

12) Слободской Хунс-Мойша Нусевич, мещанин г. Черкасы, родился 6 марта 1887 г., по ремеслу — золотых дел мастер, женатый, имел дочь 1/2 года.

14) Тарасов Федор Яковлевич, крестьянин Корсунского уезда, Симбирской губ., родился 20 янв. 1888 г.

14) Юрченко Адриан Сергеевич, крестьянин Гомельского уезда, Могилевской губ., родился в 1887 г., был в дисциплинарном батальоне.

Пятеро из каменных имели по 22 года, трое по 23 г., трое по 24 г. и трое по 25 л.

Казнь была совершена под наблюдением помощника начальника ташкентской тюрьмы Коппека, которым были подысканы 4 палата-сарта. Вешали в 2 приема, по 7 человек. Место казни было окружено вооруженными каза-

ками, а также рдами солдат, которые были приведены без ружей. Один из приговоренных, как передают, крикнул: „Наша смерть лежит черным пятном на русскую армию“. Другой крикнул: „Прощайте, товарищи!“

Один из смертников плакал и кричал: „За что! Почему!“

Снятые с виселицы трупы казненных уложены на арбы и под наблюдением пристава Ковдышева отвезены в окрестности города, около Махау-кашпака, где живут прокаженные, и здесь зарыты среди густого кустарника.

14 авг. в Ташкенте около казарм разбросаны тектографированные прокламации „Туркестанской Междупартийной Военной Организации“ о суде над саперами.

Сообщение о бунте сапер, а позднее о суде и кавни мы нашли в нелегальной печати: „За Народ“ № 49 от августа 1912 г., газета партии с-р., издававшаяся в Париже, и „Знамя Труда“, № 45, от сентября того же года.

Кое-где, в ташкентских газетах и в столичной печати („Нов. Время“ от 11 июля, „Турк. Курьер“ от 18 и 20 июля), появились отчеты о процессе сапер. Главное военно-судное управление в Петербурге исполнилось и телеграфно запросило ташкентский суд, на каком основании допущены в зал заседания корреспонденты, и предложило принять меры к прекращению печатания отчетов. Председательствовавший в заседании Уссаковский донес председателю суда Афанасовичу, что: „1) двери суда были закрыты исключительно с целью избежания огласки о поведении некоторых офицеров во время восстания, 2) распоряжение генерал-губернатора допустить в заседание редактора „Туркестанских Ведомостей“ Левина было понято как желание, чтобы отчет о деле печатался с известными ограничениями“. Афанасович телеграфирует в Петербург, что к прекращению дальнейшего печатания отчетов „меры приняты“.

Департамент полиции также интересуется прессой. Исп. должн. директора Белецкий 29 июля за № 754 запрашивает туркестанскую охранку, верны ли сообщения иностранной печати, что причины восстания — жестокость офицеров, плохое довольствие и провокационные действия полиции. Туркестанское районное охранное отделение отвечает, что следствием установлены такие причины: офицеры не имели духовной связи с солдатами командир Еранцев не слушал шпионов Шереметьевского, тяжелые и утомительные занятия при туркестанском климате, лишний год службы сапер, сравнительно с пехотой.

214 осужденных сапер были разосланы по тюрьмам России.

Из тобольской, симбирской, саратовской, петровской (Дагестан), харьковской, херсонской, рижской и московской тюрем поступали в военный суд многочисленные заявления: осужденные просили копию приговора для подачи прошения о смягчении участи, тюремная инспекция озабочена применением манифеста 1913 г.

Дело коснулось слишком большого числа лиц, задело многие взаимоотношения: жена хлопочет о разводе с осужденным, брат настаивает на скорейшем получении наследства, отец хочет просить о помиловании.

Характерен мелкий бюрократизм военного суда даже и в таком деле. Осужденный на бессрочные каторжные работы сапер Лейзер Абрамович Файнштейн два раза присылал суду из шлиссельбургской каторжной тюрьмы просьбу о высылке копии приговора и оба раза получал отказ „за пропуском установленного срока и неуказанием мотивов просьбы“. Наконец, его отец, А. Л. Файнштейн, просит суд о том же, ссылаясь на свое полное неведение о причинах осуждения сына. Суд вынул просьбе старика, но послал ему из Ташкента в Одессу ответ, что копия приговора может быть выслана „лишь по получении от него пошлин, марками на 40 копеек“.

В деле имеется еще более интересный и современный документ. Уже после свержения с престола царя Николая II, бумагой от 29 марта 1917 г. рязанская губернская тюремная инспекция сообщает ташкентскому военно-окружному суду, что 6 авг. 1914 г. австрийцами освобожден из келецкого исправительного арестантского отделения крестьянин с. Завидова, Чучковской вол., Саложковского уезда, Рязанской губ., Сергей Калинин Коротов, осужденный по делу о восстании сапер к 4 г. арестантских отделений. Коротов проживает теперь по месту приписки, и тюремная инспекция запрашивает суд, подлежит ли он заключению в тюрьму для дальнейшего отбывания наказания. Суд, постановлением от 13 апреля 1917 г. (1), определил: осужденный Сергей Коротов подлежит дальнейшему отбыванию наказания в течение 1 года и 1 дня“.

И это уже после свержения русским народом царско-самодержавного строя, когда дело о саперах, чисто политическое, должно было быть полностью аннулировано, и все оставшиеся в живых пострадавшие по нему саперы должны были немедленно, с почетом, быть освобождены из мест заключения! Да, трудно вливать новое вино в мехи старые, трудно было николаевским генералам понять последствия великой русской революции.

В заключение — одна бытовая картина. В деле оказалось письмо б. стрелка 2 Туркест. стрелкового батальона А. С. Небаева к его б. командиру с жалобой на то, что односельчане его, в с. Карлинском, Симбирской губ. и уезда, выслушав его рассказы об умирении сапер в Ташкенте, сильно его поколотили и угрожали ножевой расправой, заявляя: „Это тебе не в Ташкенте сапер стрелять!“ Небаев просил защиты у своего б. начальства. Дело передано полиции для расследования.

Бунт туркестанских сапер 1 июля 1912 г. не был планомерным, обдуманым революционным актом. Связь с работавшей в войсках в то время военно-революционной организацией была у сапер ничтожна, да и деятельность самой организации была почти незаметна. Некоторые саперы слышали о революционных партиях, после суда в Ташкенте выпущена маленькая прокламация, но ни один из главных обвиняемых процесса не был в то время членом партии, они не знали ни программ, ни задач революционных организаций, ни их методов борьбы, некоторые были даже неграмотны. Самая

цель восстания формулировалась наивно: добиться сокращения срока службы и проч.

Это восстание было взрывом, стихийной вспышкой, протестом против невозможности тяжелых условий жизни. Когда на митингах и сходках отдельные солдаты высказывались с опаской, как бы не влетело от начальства, как бы не было хуже, революционно-настроенные саперы отвечали: „Нам терять нечего. Домой вернешься благополучно — с голоду подохнешь: земли нет“.

Эти условия полной безнадежности, полного отчаяния и привели к событиям 1-го июля.

А. Черновский.

Шлиссельбургская каторга.

Из воспоминаний.

Карцера.

В уставе о ссыльных говорится довольно скромно, что каторжанин, совершивший проступок, не наказываемый по приговору суда, подлежит одиночному заключению на срок не свыше тридцати суток. Свыше этого может назначить только суд за преступления, наказуемые уложением о наказаниях или уставом о ссыльных. Редко можно было встретить на воле человека, который знал бы точно, что понимается под этими скромными словами статьи закона. Что же, в самом деле, может быть варварского, если какого-нибудь злодея, сосланного в каторгу, посадят на несколько дней одного. Да его, мол, повесить надо, а одиночное заключение даже на тридцать суток разве наказание. Нужно сказать больше. Даже большинство адвокатуры не понимало сущности такого простого выражения; поэтому представителям простых смертных нечего и удивляться. Всем им, не имевшим счастья или несчастья — кому что нравится — посидеть в тюрьме, казалось просто, что виновного в проступке отделият от других, поместят в камере одного на неделю, на две или на месяц, а там опять на старое место. Даже солдаты, испытавшие на военной службе все виды карцера — простого, смешанного, строгого — имели смутное представление о рекомендуемом законом одиночном заключении: им на военной службе давалась в карцер шинель, табак и тому подобная благодать. Тюрьма — главным образом каторжная — расшифровала выражение закона и на своем языке передавала это понятие „карцеры“ — лишением человека всего, что считается человеческим: света, тепла, одежды, питания: ввержением в земную преисподнюю.

Карцера не имеют ничего общего с одиночными камерами. В Шлиссельбургской каторжной тюрьме было двенадцать карцеров, на подмогу им привлекались иногда и изоляторы, имевшие прямым назначением изоляцию психически-больных.

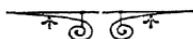
Десять карцеров находились в подвальном этаже четвертого корпуса. Три из них были совершенно темные, семь с окнами, которые впоследствии стали закрываться щитами из кровельного железа, которые, все же, настолько пропускали свет, что легко было отличить день от ночи. Для сна был устроен деревянный помост, окрашенный масляной краской. Зимой они не отапливались, и в них царил страшный холод, немного теплее было в темных,

Z $\frac{44}{50}$

~~Z $\frac{44}{50}$~~

Книга Русской Скорби.

Издание Русского Народного Союза имени Михаила
Архангела.

Томъ XIV.

„Они не будутъ уже ни ал-
кать, ни жадать и не будутъ
палить ихъ солнце и никакой
зной: ибо Агнецъ, который сре-
ди престола, будетъ пасти ихъ
и водить ихъ на живые источ-
ники водъ, и отреть Богъ вся-
кую слезу съ очей ихъ“.

(Апокалипсисъ, Гл. VII, стих. 16 и 17.)

ПОГАШЕНО

48-1617

МОСКОВСКИЙ ПУБЛИЧНЫЙ
№ 17926
И РУССКО-ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1914.

cm

Петръ Петровичъ Кошонецъ.

Подпоручикъ 2-го Туркестанскаго сапернаго баталіона. Смертельно раненъ, защищая, съ оружіемъ въ рукахъ, отъ разъяренной толпы мятежниковъ караульные патроны во время сапернаго бунта 1-го іюля 1912 г. въ Троицкомъ лагерѣ подъ Ташкентомъ.

Съ оружіемъ въ рукахъ, кому-же вы опять—
О, нечестивые!—грозите?

Иль кровью римскою всё поры пропитать
Земли родимой вы хотите?
Весь этот пылъ—увы! не для того, чтобъ въ прахъ
Легли твердыни Кароагена,
Иль чтобъ торжественно по улицамъ въ цѣпяхъ
Прошелъ бретонъ—добыча плѣвна,
Не для того—о нѣтъ! а только для того,
Чтобъ въ общемъ рвеніи съ врагами
Въ конецъ разрушить Римъ,
Съ лица земли его
Стереть своими-же руками.
Свирѣпой алчности такой въ средѣ своей
Ни волкъ, ни левъ не проявляютъ.
И—кровожадные—иныхъ породъ звѣрей
Они на гибель обрекаютъ,

.....
.....
А вы!.. Во власти ли вы ярости слѣпой,
Рабъ ль грѣха, иль жертвы рока?..

(Изъ „Ямбовъ“ Горация).

Какъ будто сейчасъ и для насъ сказано это жгучее слово поэта. Съ тѣхъ поръ, какъ зародилось оно въ тайникахъ его творческаго духа, одѣлось въ звукъ и вылилось вдохновенной страстью прошлыхъ вѣковъ, прихотливымъ извивомъ струилась жизнь, ея капризное русло то углублялось, то мелѣло. Пестрою чредой смѣнялись поколѣнія, росли и гасли настроенія, пересѣкались и сливались разнообразнѣйшія теченія общественной мысли, переоцѣнивались всё цѣнности; „сегодня“ было злѣйшимъ врагомъ „вчера“, а само трепетало передъ загадочнымъ «завтра». Цѣлый океанъ времени отдѣляетъ насъ отъ эпохи Горация, но есть еще вещи на землѣ, передъ которыми безсильно даже всесильное время.—Неизгладима печать Каина, несмываемъ позоръ Пилата, еще дымится и вызываетъ къ небу кровь Авеля!..

Военный бунтъ! Какое это дикое и противоестествен-

ное сочетание понятій! Оттого и близко къ такъ намъ [вѣщій языкъ благороднаго римлянина, оттого такъ понятны его скорбныя переживанія, что военное не старѣетъ, что принципы долга и чести безсмертны.

Военный бунтъ! — Всего два слова. Non multa, sed multum. Два краткихъ слова. Но сколько въ нихъ ужаснаго смысла! Вѣдь чтобы такое слово стало *дѣломъ*—нуженъ цѣлый союзъ, цѣлый адскій триумвиратъ Пилата, Каина и Иуды.

Военный бунтъ! И невольно передъ лицомъ этой кошмарной дѣйствительности приходитъ на умъ, стучится въ сердце и просится на уста грозный вопросъ Вѣчной Книги: «Если соль потеряетъ силу, то чѣмъ сдѣлаешь ее соленою?»..

Ташкентская трагедія 8-го іюля 1912 г. конечно имѣетъ и своего Пилата, и Иуду, и Каина. Не время и не мѣсто касаться этого теперь и говорить о нихъ. Страницы „Книги Русской Скорби“ принадлежатъ не имъ. Ихъ черныя имена никнутъ передъ другимъ чистымъ и свѣтымъ именемъ, именемъ Авеля.

Судебное разбирательство мало уяснило это темное дѣло. Прошла здѣсь галлерей картинъ растерянности, неосвѣдомленности, попустительства.

Всплыли отдѣльные эпизоды, отдѣльныя сцены, но отвѣта на вопросъ, какъ и почему это все случилось и могло случиться, нѣтъ. Но,

„Чѣмъ ночь темнѣй,
Тѣмъ звѣзды ярче“...

На тускломъ фонѣ малодушья яркимъ рельефомъ выдѣляются образы тѣхъ истыхъ рыцарей чести, которые на порогѣ жизни встрѣтили смерть и умерли, чтобы вѣчно жить въ сердцахъ вѣрныхъ. Объ одномъ изъ такихъ юныхъ героев мы и хотимъ рассказать.

Въ центрѣ легендарной страны, непочтительно, но выразительно называемой „погибельнымъ“ Кавказомъ, находится г. Тифлисъ—центръ и фокусъ всѣхъ возможныхъ и невозможныхъ чудесъ въ кавказскомъ рѣшетѣ. Въ этомъ

городѣ какимъ-то образомъ уцѣлѣла горсть русскихъ людей, которые „разсудку вопреки, наперекоръ стихіямъ“ совершенно открыто говорятъ, что они русскіе и что они ничуть не стыдятся этого. Мало того, эти люди, имѣя во главѣ доблестнѣйшаго пастыря, протоіерея С. Д. Городцова, дошли до того, что объединились въ особый союзъ—„Русское Патріотическое Общество въ Тифлисѣ“...

Разстрѣливаемые изъ за угла, осыпаемые бомбами, преслѣдуемые клеветой и ложью, эти люди имѣли дерзость заявить, что они русскіе, что они любятъ Вѣру Православную, Царя Самодержавнаго и Русскую Народность, что русское дѣло существуетъ на Кавказѣ, что по отношенію къ Кавказу у русскихъ людей кромѣ обязанностей есть еще и права, основанныя на священнѣйшемъ и самомъ прочномъ, какой только знаетъ исторія челоувѣчества, фундаментѣ—на крови. Они громко говорили, что не могутъ и не должны быть забыты потоки русской крови и слезъ, которыми насквозь пропитана кавказская земля, что не должны быть забыты груди русскихъ костей, еще доселѣ тлѣющихъ въ ущельяхъ и горахъ Кавказа.

Конечно, такія мысли на Кавказѣ не прощаются, не проходятъ даромъ, и „Русское Патріотическое Общество въ Тифлисѣ“ испытало на себѣ, что значитъ идти противъ теченья. Здѣсь было все: Каинъ ежеминутно требовалъ новой жертвы, Иуда, лъстиво лобзая, предавалъ, Пилать умывалъ руки.

А сами патріоты? Они собирались въ братскій залъ и тамъ въ молитвѣ и общеніи черпали силы, чтобы жить и умирать. На этихъ собраніяхъ постоянно можно было видѣть среди патріотической молодежи одного бѣлокурого реалиста. Это и былъ Петя Кошенецъ, будущій подпоручикъ 2-го Туркестанскаго сапернаго баталіона—доблестный герой и невинная жертва позорной ташкентской трагедіи.

Ученикъ разваливающейся кавказской школы, Кошенецъ былъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, воспитанникомъ Патріотическаго Общества и кровью своею запечатлѣлъ вѣрность патріотическимъ завѣтамъ.

Развитой не по лѣтамъ, очень начитанный, впечатлительный, онъ, въ сущности еще дитя, почти не имѣлъ дѣтства. Грозныя событія 1905 г. наложили свою неизгладимую печать на душу ребенка и только начинавшая пробуждаться мысль получила уже недѣтское направленіе.

Принадлежа къ дворянской, но бѣдной, семьѣ, мальчикъ испыталъ на себѣ всю остроту матеріальной скудости, но видѣлъ также, что матеріальная бѣдность не мѣшаетъ духовному богатству. Въ этомъ отношеніи эта бѣдная семья находилась въ исключительныхъ условіяхъ. Мать Кощенца, горячо имъ любимая, — типичная русская женщина, пламенѣющая огнемъ самопожертвованія и вѣры, — давала въ семьѣ тонъ всему, создала атмосферу, обеззаразившую глетворныя вліянія улицы и школы, была ревностнымъ членомъ Патриотическаго Общества и ввела своего сына въ кругъ людей, сплотившихся во имя Вѣры и Родины. Маленькій Петя со всѣхъ сторонъ слышалъ одно: что смерть лучше позора, что святыя слова присяги нужно оправдать дѣломъ, что, не въ силѣ Богъ, а въ правдѣ. А кавказская дѣйствительность ярко и щедро иллюстрировала это положеніе. Петя видѣлъ со всѣхъ сторонъ смерть и пораненія своихъ единомышленниковъ, но видѣлъ также, что, заброшенные волей судьбы въ кавказскіе дебри, русскіе патріоты даже передъ лицомъ неминуемой и лютой смерти не отрекаются отъ своего русскаго имени, отъ преемства великихъ преданій.

Вотъ праздникъ Рождества Христова 1906 года — праздникъ любви и благоволенія. Чудится, что въ воздухѣ еще дрожать небесныя звуки ангельской пѣсни о томъ, что на изстрадавшуюся землю сошелъ, наконецъ, миръ. Еще не замеръ небесный аккордъ, еще дрожать въ воздухѣ неземныя слова, какъ слышится уже какой то новый звукъ, сухой и рѣзкій, — это на смѣну ангеловъ заговорили своимъ адскимъ языкомъ браунинги тифлисскихъ революціонеровъ и подъ предательскими пулями, пущенными изъ за угла, падаетъ тяжело раненый духовный вождь русскихъ патріотовъ на Кавказѣ — извѣстный проповѣдникъ и общественный дѣятель, протоіерей С. Д. Городцовъ. Преступленіе

было чисто политическаго свойства, ибо личныхъ враговъ у столь достойнаго пастыря не могло быть. Дѣло объясняется просто. Когда ходатайство въ некоторыхъ кавказскихъ сановниковъ объ удаленіи о. Сергія съ Кавказа встрѣтило категорическій отказъ Синода, то на помощь этимъ сановникамъ пришелъ подпольный пролетаріатъ, который тоже боялся добраго вліянія на народныя массы доблестнаго протоіерея и рѣшилъ, не мудрствуя лукаво, расправиться съ о. Сергіемъ способомъ, который въ примѣненіи къ русскимъ дѣятелямъ получилъ на Кавказѣ исключительное право гражданства.

Такъ кроваво завершился на Кавказѣ 1906 г., а начался онъ тоже кровью, кровью другого доблестнаго русскаго патріота—начальника штаба Кавказскаго военнаго округа, генерала Грязнова, растерзаннаго злодѣйской пальбой.

Живо и болѣзненно переживала эти ужасы патріотическая семья Кошенцовъ. Но „тяжелый млатъ, дробя стекло, куетъ булатъ“. Ни тѣни малодушія и ропота, наоборотъ—патріотическое настроеніе ея крѣпло и углублялось. Таково было впечатлѣніе дѣтства у маленькаго Пети за 1906 г.

Въ 1907 г. въ далекомъ Владивостокѣ, во время бунта морскихъ командъ, былъ предательски убитъ еще совсѣмъ юный вахтенный офицеръ миноносца „Скорый“, мичманъ Николай Николаевичъ Юхновичъ. По Высочайшему повелѣнію тѣло Юхновича, какъ мѣстнаго уроженца, было перевезено въ Тифлисъ для погребенія въ родной землѣ. Само собою разумѣется, что Патріотическое Общество приняло самое горячее участіе въ похоронахъ юнаго патріота, котораго многіе члены Общества знали еще ребенкомъ. На ихъ глазахъ онъ выросъ и созрѣлъ духовно для своей великой кровавой жертвы. Въ специфическихъ условіяхъ кавказскаго бытія даже здѣсь не обошлось безъ самыхъ неожиданныхъ треній и только благодаря властному вмѣшательству тогдашняго Экзарха Грузіи, незабвеннаго архіепископа Никона, тѣло юнаго страдальца за Царя и Русь Святую нашло себѣ заслуженный покой въ оградѣ Тифлискаго военнаго собора. Исторія этихъ похоронъ дала много поучительнаго для нашихъ патріотовъ. Можете себѣ пред-

ставить, что долженъ былъ перечувствовать и пережить Петя Кошенецъ у гроба юноши—героя. Въдѣ въ его возрастѣ такъ понятенъ душѣ героической порывъ, такъ близокъ сердцу мученической подвигъ, такъ свойственно стремленіе къ идеалу, а тутъ въ гробу лежитъ старшій товарищъ; почти сверстникъ, въ сіяніи мученичества, въ благоуханіи молитвъ церковныхъ за „крамолою убіенныхъ“. Такіе моменты „дѣтскаго“ переживанья неизгладимы и часто кладутъ свою печать на всю послѣдующую жизнь. Въ это же время одинъ изъ членовъ Общества приступилъ къ составленію очерка объ Юхновичѣ и матерью покойнаго были очень любезно предоставлены въ видѣ матеріала письма къ ней ея сына. Нужно было систематизировать этотъ матеріалъ и за это взялся Кошенецъ.

Пишущему эти строки пришлось воочію убѣдиться, какое сильное впечатлѣніе произвело на мальчика его знакомство съ письмами Юхновича.

Съ какимъ волненіемъ читалъ и перечитывалъ онъ такія, напримѣръ, строки, написанныя Юхновичемъ въ 1905 г., въ бытность его еще кадетомъ морского кадетскаго корпуса въ Петербургѣ:

„А. П. 1) извиняется за забывчивость, объясняя это тѣмъ, что она все время занята мыслями о Петѣ 2), который собирается идти опять въ строй. Въ добрый часъ, да съ Богомъ! Коли суждено ему лечь на полъ чести, при исполненіи своихъ обязанностей, то тутъ не помогутъ никакія безпокойства мамашъ.

Поэтому и ты, милая мамочка, если приведетъ когда нибудь впослѣдствіи Богъ мнѣ стать на защиту отечества, положиись на Бога, безъ воли Котораго ни единый волосъ не упадетъ съ головы человѣческой. Тоже самое теперь посовѣтуй А. П. сдѣлать, не плакать и не тревожиться, а быть настоящею патриоткой, жертвующей на защиту отечества дорогое свое сокровище, и ставить себѣ примѣромъ графиню Ниродъ“.

1) Тетка покойнаго.

2) Двоюродный братъ покойнаго.

Кто знает, можетъ быть это загробное слово одного вдохновило на дѣло другого. Во всякомъ идейномъ дѣлѣ основаніемъ всего является преемство преданій. Вдохновляютъ людей на великое не юридическія нормы, не договоры и обязательства, а примѣры и традиціи. Такъ нужно дѣлать, такъ можно дѣлать, такъ дѣлали и такъ будутъ дѣлать. И если онъ такъ сдѣлалъ, значитъ и я такъ долженъ сдѣлать. А разъ долженъ—значитъ могу.

Наступилъ 1908 г. и 28-го мая палъ пронзенный градомъ предательскихъ пуль высокопреосвященный Никонъ, Экзархъ Грузіи, архіепископъ Карталинскій и Кахетинскій, Ударомъ грома отозвалась эта страшная вѣсть въ сердца каждаго патріота. Владыку знали и любили за его прямоту, отзывчивость и необыкновенную ясность мышленія.

Доблестно правилъ могучій Экзархъ кавказскою церковью, доблестно жилъ, доблестно умеръ. Для патріотовъ смерть Никона была незамѣнимой утратой. Убиваемые революціонерами, обливаемые грязью со столбцовъ радикальной печати и съ трибуны Государственной Думы, эти люди были буквально брошены на произволь судьбы и ни въ комъ и нигдѣ не находили себѣ ни малѣйшей поддержки. Управление Намѣстника въ лучшемъ случаѣ ихъ игнорировало. Одинъ лишь Экзархъ не отказывалъ имъ въ своей могучей моральной поддержкѣ. Онъ часто молился съ ними, благословлялъ, ободрялъ и утѣшалъ ихъ. Неудивительно поэтому, что въ дни злодѣянія 28-го мая тифлискіе патріоты переживали особенно острый подъемъ настроенія, въ ихъ ушахъ еще звучали пророческія слова архипастыря — мученика, которыя онъ сказалъ въ своей рѣчи въ день Св. Пасхи:

„Наступаютъ дни исповѣдничества — будемъ готовы“.

И нашъ юный патріотъ Кошенецъ уже благодаря одному своему возрасту быть можетъ живѣе всѣхъ чувствовалъ остроту переживаемого момента. И бурнымъ темпомъ билось юное сердце, огнемъ молодого льва загорались еще дѣтскіе глаза, на устахъ трепетала Аннибалова клятва...

Старается Петя Кошенецъ по мѣрѣ возможности и

своихъ еще неокрѣвшихъ силъ послужить родному патріотическому дѣлу.

Усердно онъ занимается въ своемъ реальномъ училищѣ, а свободное время, свой небольшой досугъ онъ отдаетъ литературной работѣ и посильно сотрудничаетъ въ «Лѣтописи Русскаго Патріотическаго Общества въ Тифлисѣ». Но время идетъ. Дѣтство смѣняетъ юность. Подходить конецъ ученію въ средней школѣ. Нужно рѣшить роковой вопросъ, что дѣлать дальше. Для такой рыцарской природы выборъ былъ недологъ—конечно надо быть военнымъ. Въ 1909 г. Кошенецъ поступаетъ во Владимірское военное училище, а 6-го августа 1911 г. онъ уже произведенъ въ подпоручики 2-го Туркестанскаго сапернаго баталіона, въ рядахъ котораго ему такъ скоро суждено было встрѣтить смерть, что-бы вѣчно жить въ преимствѣ славныхъ преданій. Бодрый, жизнерадостный онъ ѣдетъ въ г. Мервѣ, гдѣ былъ расположенъ его баталіонъ, и горячо принимается за службу. По свидѣтельству сослуживцевъ, съ перваго дня своей службы подпоручикъ Кошенецъ сталъ пользоваться всеобщими симпатіями,—въ баталіонѣ его полюбили и товарищи офицеры и нижніе чины за его чистую, неспорченную натуру, за его любовь къ дѣлу, къ которому онъ былъ поставленъ, за искренность и отзывчивость къ меньшому брату—солдату.

Быть можетъ онъ и погибъ потому, что былъ любимъ солдатами, быть можетъ заговорщики боялись, что онъ удержитъ роту отъ бунта, а потому и убили его.

Усердно служить Кошенецъ въ своемъ Мервѣ, но не забываетъ Тифлиса, гдѣ у него мать и сестра, гдѣ у него друзья патріоты, съ которыми ему пришлось столько пережить. Свои денежные дѣла онъ велъ очень аккуратно, долговъ не дѣлалъ, дорого стоящими удовольствіями не пользовался и все, что было возможно, посылалъ своей матери. Такъ шло время. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ саперы выступили въ лагерь. Съ какими чувствами шелъ въ роковой для себя лагерь Кошенецъ, видно изъ письма его къ одному изъ друзей, патріотоевъ, датированнаго 6-мъ апрѣля 1912 г. Вотъ что, между прочимъ, онъ пишетъ: «25-го ап-

рѣля идемъ въ лагерь, адресъ—село Троицкое близъ Ташкента. Лагерь у насъ—страдное время, какъ по своей продолжительности около 5 мѣсяцевъ, такъ и по трудности работъ. Но работы предстоятъ очень интересныя и являющіяся хорошей практикой для такого малоопытнаго сапера какъ я. Послѣ лагеря или къ Рождеству думаю прикатить къ вамъ въ отпускъ. Тогда уже наговоримся до сыта».

Въ письмѣ изъ лагеря, датированномъ 26-мъ іюня и полученномъ въ Тифлисѣ 2-го іюля, какъ разъ въ самый день его смерти, Кошенецъ опять повторяетъ:—«Думаю въ октябрѣ проситься въ отпускъ». Бѣдный мальчикъ! Суровая дѣйствительность безжалостно разбила его мечты. И въ тотъ самый день, быть можетъ въ тотъ же самый часъ, когда дружескій взоръ въ Тифлисѣ любовно перечитывалъ эти дорогія строки въ чаяніи грядущей встрѣчи, вдали отъ матери, родныхъ и друзей, въ холодной обстановкѣ лазарета онъ отдавалъ свою душу Богу. Еще не зная жизни, онъ встрѣтилъ уже смерть... И вѣрится, что въ своемъ одиночествѣ онъ не былъ одинъ, вѣрится, что надъ изголовьемъ умиравшаго въ страданьи, покинутаго всѣми героя—ребенка склонилась въ послѣдній мигъ священная тѣнь другого Страдальца, Который нѣкогда сказалъ; „Блаженны чистые сердцемъ, ибо они Бога узрятъ“...

Но обратимся къ фактическому изложенію событій 1-го іюля 1912 г. Вотъ что говорить объ этомъ „Нов. Вр“.

„Всѣ квартирующія въ Ташкентѣ войска, въ томъ числѣ и 1-й Туркестанскій саперный батальонъ, ежегодно выходятъ въ лагери подъ село Троицкое, отстоящее отъ Ташкента на 30 верстъ. Сюда же ежегодно прибываютъ нѣкоторыя части изъ другихъ гарнизоновъ Туркестана. Въ этомъ году, между прочимъ, въ лагеряхъ находится постоянно квартирующій въ г. Мервѣ 2-й Туркестанскій саперный батальонъ. Троицкіе лагери растянулись на много верстъ вдоль глубокаго, быстрого и широкаго Захарька, на другомъ берегу котораго находится нѣсколько туземныхъ кишлаковъ и огороды села Троицкаго. Изъ послѣдняго въ лагери можно попасть только черезъ мостъ, постоянно охраняемый карауломъ отъ артиллеріи. На ка-

рауль лежитъ обязанность не допускать въ село нижнихъ чиновъ, не имѣющихъ на то письменнаго разрѣшенія отъ начальства. Сейчасъ же за мостомъ начинается артиллерійскій лагерь. За нимъ расположены казаки, затѣмъ правильной линіей идутъ лагери стрѣлковъ и на разстояніи полутора—двухъ верстъ стоятъ саперы. Съ другой стороны лагеря саперъ, на разстояніи тоже около полутора верстъ, находится лагерь крѣпостной артиллеріи.

Черезъ Захъ-арыкъ, кромѣ моста у села Троицкаго, имѣется еще мостъ въ самомъ саперномъ лагерѣ. За мостомъ находится большой кишлакъ Нязбекъ, въ которомъ разныя темныя личности занимаются корчемною продажей нижнимъ чинамъ водки и содержатъ заведенія дешеваго разврата. Часовые саперы, строго исполняя свои обязанности по отношенію къ солдатамъ постороннихъ частей, часто нарушаютъ долгъ службы по отношенію къ „своимъ“—къ саперамъ. Какъ результатъ этого, Нязбекъ почти каждую ночь переполненъ саперами. Здѣсь они находятся внѣ наблюденія начальства. Этимъ пользуются туркестанскіе „товарищи“, которые, послѣ отставки генерала Субботича, перенесли изъ Ташкента свою штабъ-квартиру въ его окрестности, между прочимъ въ село Троицкое. Частью въ Нязбекѣ, частью зазывая саперъ въ село, туркестанскіе товарищи усиленно вели революціонную пропаганду. За нѣсколько недѣль до бунта въ лагеряхъ усиленно поговаривали, что среди саперъ „неблагополучно“. Утверждали, что въ степи, верстахъ въ трехъ отъ лагерей, состоялось нѣсколько сходокъ, участіе въ которыхъ принимали нижніе чины. Замѣтно усилилось подкидываніе прокламацій, было нѣсколько случаевъ демонстративнаго неповиновенія отдѣльныхъ саперъ. Въ одной изъ ротъ былъ заявленъ протестъ противъ будто бы дурной пищи и т. д.

1 іюля около 9 ч. веч. толпа нижнихъ чиновъ 1-го туркестанскаго сапернаго батальона съ дикимъ крикомъ „ура“, съ боевыми выстрѣлами и съ оркестромъ музыки изъ музыкантскихъ учениковъ, подъ звуки марша „Привѣтъ ро-

динъ“, бросилась на рядо́мъ расположенный 2-й туркестанскій саперный батальонъ.

Повидимому, первой цѣлью толпы было овладѣть знаменами и денежными ящиками у передняго караула, но нерастерявпійся карауль отъ 3-й роты 2-го туркестанскаго сапернаго батальона отбилъ бунтовщиковъ огнемъ, причемъ часовой успѣлъ произвести 6 выстрѣловъ. Карауль былъ усиленъ и войсковыя святыни не были отданы бунтовщикамъ. Толпа отхлынула.

Въ это время изъ собранія 1-го туркестанскаго сапернаго батальона выскочили штабсъ-капитанъ Похвисневъ и подпоручикъ Шадскій и бросились къ своимъ ротамъ (2-й и 3-й 1-го туркестанскаго сапернаго батальона) съ криками: „Что вы дѣлаете, подлецы?“ Подпоручикъ Шадскій, съ пашкой въ рукахъ защищая ружейную пирамиду, былъ изрѣшетенъ штыками (около 10 ранъ), но пока еще живъ. Штабсъ-капитанъ Похвисневъ, останавливая толпу отъ безумства, былъ заколотъ, прострѣленъ, обезображенъ и ограбленъ!

Толпа бунтовщиковъ-саперъ 1-го батальона, раздѣлавшись съ двумя офицерами и потерпѣвъ неудачу у передняго караула, бросилась разомъ по нѣсколькимъ направленіямъ на 2-й туркестанскій саперный батальонъ, причемъ были слышны крики: „Товарищи, присоединяйтесь къ намъ!“

Заслышавъ это, офицеры 2-го туркестанскаго сапернаго батальона кинулись къ своимъ ротамъ и командамъ, при чемъ командиръ 2-й саперной роты капитанъ Жильцовъ съ младшими офицерами, сгруппировавъ въ темнотѣ вокругъ себя 25—30 человекъ своей роты и части остальныхъ ротъ, открылъ пальбу по наступавшей толпѣ бунтовщиковъ. Почти одновременно со 2-й ротой выбѣжали всѣ остальные ротные командиры и младшіе офицеры съ нижними чинами и присоединились ко 2-й ротѣ. Присутствовавшій здѣсь 2-го батальона полковникъ Табарэ собралъ резервъ и роздалъ патроны. Былъ открытъ огонь по бунтовщикамъ. Въ первый моментъ замѣшательства былъ смертельно раненъ на линейкѣ своей роты младшій офицеръ 1-й саперной роты 2-го туркестанскаго сапернаго батальона подпоручикъ Красовскій, выбѣжавшій со своимъ бра-

томъ кадетомъ и сыномъ подполковника Табара, тоже кадетомъ (оба ташкентскаго корпуса).

Въ третью роту 2-го батальона первымъ вбѣжалъ подпоручикъ Кошенецъ и видя людей, хватающихъ оружіе изъ пирамидъ и разбивающихъ ящики съ тревожными боевыми патронами, выхватилъ револьверъ и закричалъ: „что вы дѣлаете, братцы, не смѣть трогать винтовки и патроны!“ Въ эту же минуту вбѣжалъ въ роту и фельдфебель Филоненко и, ставъ рядомъ со своимъ юнымъ начальникомъ, командовалъ:

„Въ ружье! стройся на линейкѣ для защиты отъ бунтующихъ!“

Въ отвѣтъ грянулъ оглушительный залпъ. Филоненко палъ мертвымъ, Кошенецъ былъ тяжело раненъ въ животъ на вылетъ, пуля вошла въ правую полость живота, пребила печень, почку и вышла въ лѣвой сторонѣ поясицы.

Сначала какъ будто положеніе больного не предвѣщало кроваваго конца. Командиръ 3 роты, посѣтившій раненаго въ околоткѣ въ 11 часовъ вечера, нашель его въ сравнительно хорошемъ состояніи. Перевязка врачомъ была сдѣлана, больной былъ въ памяти, на боли не жаловался. Въ часъ ночи Кошенца отвезли въ сводный лазаретъ при лагерѣ. Въ лазаретѣ на другой день, 2-го іюля, въ 2 часа, Кошенецъ потерялъ сознаніе и, не приходя въ себя, въ 4¹/₂ ч. по полудни отошелъ въ вѣчность. По словамъ находившагося при раненомъ офицерѣ денщика, Кошенецъ передъ самой смертью перекрестился.

На слѣдующій день 3 іюля, въ 5 ч. вечера, изъ лагеря въ Ташкентъ двинулся печальный кортежъ. На 5 лафетахъ везли 5 гробовъ—3 съ останками офицеровъ и 2 съ нижними чинами. Провожалъ на протяженіи 5 верстъ весь лагерь, а далѣе до Ташкента, 25 в., 3 роты—двѣ саперныхъ и одна стрѣлковая, а также половина офицеровъ лагеря. Въ Ташкентъ прибыли утромъ. Въ началѣ восьмого часа утра улицы были переполнены публикой, пожелавшей отдать послѣдній долгъ. Пять лафетовъ при общемъ безмолвіи и въ сопровожденіи военныхъ частей прослѣдовали въ военный соборъ, переполненный народомъ; все духовенство

Ташкента присутствовало при отпѣваніи. По провозглашеніи вѣчной памяти, при колокольномъ звонѣ и печальныхъ звукахъ военнаго оркестра, двинулись къ кладбищу; впереди процессіи шли нижніе чины съ 30 вѣнками; при выносѣ гробовъ изъ военнаго собора публика осыпала ихъ цвѣтами.

Такъ кончилась ташкентская трагедія 1-го іюля 1912 г. Потомъ начался судъ, потомъ процессъ саперныхъ офицеровъ и наконецъ, на дняхъ, газеты разнесли послѣдній отзвукъ кроваваго дѣла. Вотъ что говорится въ этихъ сообщенияхъ:

„Въ Ташкентскомъ кадетскомъ корпусѣ состоялось рѣдкое торжество возложенія серебряныхъ медалей на георгіевской лентѣ съ надписью „за храбрость“ на кадетовъ шестого класса Витольда Красовскаго и Бориса Авдѣева. Награды Высочайше пожалованы юнымъ героямъ за проявленное ими мужество и самоотверженныя дѣйствія во время вооруженнаго возстанія саперъ и нижнихъ чиновъ 1 іюля 1912 года, въ лагерѣ подъ селомъ Троицкимъ. Возложеніе медалей произведено лично командующимъ войсками ген. Самсоновымъ. На торжествѣ присутствовали высшіе военные чины, много офицеровъ и родители. Вечеромъ, по случаю рѣдкаго торжества, въ корпусѣ состоялся балъ.

Мужество и самоотверженныя дѣйствія кадетъ, награжденныхъ георгіевскими медалями, заключались въ слѣдующемъ. Кадетъ Красовскій при первыхъ выстрѣлахъ прибѣжалъ на мѣсто бунта и тутъ же принялъ отъ командира роты, тяжело раненаго бунтовщиками, истекавшаго кровью подпоручика Кощенца, чтобы отвести его въ околотокъ. Вскорѣ Кощенецъ потерялъ сознаніе и кадетъ Красовскій, несмотря на раздававшіеся ему вслѣдъ выстрѣлы и возгласы бунтовщиковъ: „Кадетъ ведетъ офицера, бей ихъ!“—принесъ на себѣ раненаго въ околотокъ и сдалъ его врачу, а самъ опять бросился подъ выстрѣлами на помощь брату-офицеру, который въ это время былъ уже смертельно раненъ. Кадетъ Авдѣевъ послѣдовалъ за отчимомъ въ лагерь, причемъ по дорогѣ, услыжавъ щелканіе затвора и увидѣвъ, что одинъ изъ бунтовщиковъ цѣлится въ подпол-

ковника Табарэ, крикомъ: „Папа, въ вась!“ предупредилъ послѣдняго и далъ ему возможность броситься на бунтовщика. Когда же оставшіеся вѣрными присягѣ нижніе чины 2-й роты, 2-го Туркестанскаго сапернаго батальона, подѣ командою капитана, нынѣ подполковника, Жильцова открыли стрѣльбу по бунтовщикамъ и сами подверглись съ ихъ стороны убійственному огню, то находившіеся при второй ротѣ подполковники Жильцовъ, Табарэ и кадетъ Авдѣевъ успокаивали нижнихъ чиновъ, благодаря чему послѣдніе остались на мѣстѣ и выполнили свой долгъ до конца. Кадетъ Авдѣевъ, не взирая на явную опасность и угоры, оставался подѣ выстрѣлами вмѣстѣ съ отчимомъ, подполковникомъ Табарэ, до момента, когда бунтъ былъ совершенно подавленъ“.

Поклонъ вамъ до земли, доблестные юноши! Съ отрадой и утѣшеніемъ прочтеть это крылатое газетное слово о вась вся русская Россія. Каждый патріотъ, вспомнивъ о вась, съ чувствомъ гордости скажетъ: „Вотъ растутъ новые герои! Живъ еще духъ народа, великъ Богъ земли Русской!“

